

дить историков российской науки в том, что, фокусируя внимание только на государственных институтах межвоенного периода – таких, как Академия наук, – можно не заметить или по крайней мере недооценить другие не менее важные научные инициативы, возникшие в результате местной активности и независимой деятельности.

Автор благодарит Константина Иванова и Алексея Кожевникова за помощь при подготовке настоящей статьи.

Перевод с англ. К. В. Иванова

С. С. ИЛИЗАРОВ

АКАДЕМИК ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР – ИСТОРИК НАУКИ*

Миллер и начало жанра научной биографии

Наследие академика Г. Ф. Миллера настолько многогранно и многоаспектно, что до сих пор никто не обратил внимания на первенство, принадлежащее ему в становлении в нашей стране жанра научной биографии, одного из основных и наиболее развитых направлений историко-научных исследований. Как известно, в числе предметов, традиционных для европейской научно-исторической традиции, было изучение биографий выдающихся исторических деятелей, не только политических, но и творцов науки и искусств. «Ученая история» в лицах – одна из обязательных составляющих этой традиции. Поскольку в таком ракурсе все творчество Миллера не рассматривалось, я отмечу здесь только главные моменты, прежде всего относящиеся к биографиям российских ученых и тех людей – современников Миллера, с которыми связано развитие науки в России.

Одной из первых работ Миллера в жанре научной биографии явилось предисловие к ставшей знаменитой в истории науки книге его бывшего ученика С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки». В этом небольшом, чуть более четверти печатного листа сочинении опубликован первый очерк о жизни и деятельности Крашенинникова – исследователя Камчатки, спутника Гмелина и Миллера в путешествии по Сибири. Обстоятельства, по которым Миллеру пришлось писать предисловие, готовить карты и доводить издание книги Крашенинникова до конца, известны: 25 февраля 1755 г. автор скончался.

Вплоть до 1939 г., когда А. И. Андреев на основе новых архивных материалов предпринял написание научной биографии С. П. Крашенинникова, текст Миллера оставался практически единственным достоверным источником информации по этой теме.

Если не прибегать к пересказу биографий ученых, написанных Миллером, то совсем не просто дать им характеристику. Его очерки (все без исключения) построены не по стандартной схеме, когда описывающий последовательно воссоздает хронику жизни своего героя, от рождения до смерти. Миллер – биограф особого рода, скорее, он биограф-эссеист. Не утрачивая ни малейшей фактической детали, он умел выделить главное, характеризуя наиболее значимые особенности личности, описывая и анализируя творческое наследие того или иного лица. Именно таким образом было написано предисловие к описанию Камчатки Крашенинникова.

Прежде чем рассказать о жизни скончавшегося автора книги, Миллер поведал об обстоятельствах, приведших, в конечном счете, к ее написанию, об исто-

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 2005. № 3. С. 70–95.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-00307а) и фонда Герда Хенкель (проект 71/V/05).

рии Второй Камчатской экспедиции и участия в ней Крашенинникова. И только затем уже перешел к истории жизни ученого. Сказав о московском происхождении Крашенинникова, его учебе в Славяно-греко-латинской академии в риторических построениях житийного письма попеременно с казенными фразами, характерными для послужного аттестата, Миллер вновь, уже непосредственно через биографию, возвращается к Камчатской экспедиции. При этом он не скрывает желания оттенить свою роль учителя и руководителя сухопутного экспедиционного отряда в успехах студента Крашенинникова и становлении его как ученого-исследователя. Миллер счел нужным объяснить причины, по которым он сам не отправился на Камчатку, рассказал об участии в работах адъютанта Г. В. Стеллера, о последующем решении Академии наук подготовить на основе изысканий Крашенинникова и оставшихся в рукописях работ Стеллера сводное описание Камчатки. И вновь в очерке Миллер обращается к формальной биографии Крашенинникова, от времени его возвращения в Санкт-Петербург, получения академических званий и до безвременной кончины ученого, воспитанного в Академии наук. В конце биографической части предисловия следовала ставшая классической по глубине и лаконичности формы характеристика: «Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков, и сами достойны называться начальниками своего благополучия»¹.

В 1760 г. Г. Ф. Миллер впервые опубликовал на русском языке ценнейший исторический источник по истории народов Кавказа «Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, и о их состоянии в 1728 году, Сочиненное Полковником Артиллерии Иваном Густавом Гербером»². В редакционном предисловии к публикации Миллер представил тот максимум информации об истории создания сочинения Гербера и его жизни, который и составляет до настоящего времени основной объем знаний об этих событиях.

По сведению биографа, И. Гербер, уроженец «Бранденбургии», вступил на русскую службу в 1710 г. артиллерийским поручиком. Во время Северной войны он сумел не раз отличиться по службе и ко времени ее победного завершения в 1721 г. дослужился до чина майора. Затем он принимал участие в персидских событиях и организовывал переброску артиллерии из Москвы в Астрахань. На юге ему пришлось задержаться надолго. В числе уполномоченных комиссаров в 1727 г. для разграничения границ он участвовал в заключении пограничного договора с Турцией. Это позволило Герберу хорошо узнать «внутреннее состояние тех земель, которые для определения границ и для снятия точной ландкарты в 1726 и 1727 годах из конца в конец объехал. Он не только сочинил ландкарту, но и изъяснил оную сим здесь предлагаемым описанием». Затем по возвращении в столицу в 1729 г. он произведен в полковники и члены Главной канцелярии от Артиллерии. В мае 1731 г., получив новое поручение, направлен под видом купца руководителем секретной миссии в Среднюю Азию – Хиву и Бухару, формально «да-

¹ Описание Земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Том первый. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1755 году.

² О работах И. Гербера см.: *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

бы учредить в оных землях полезное для обеих сторон купечество». Покинув Астрахань, караван, с которым шел Гербер, на реке Эмбе подвергся нападению и был разграблен. Герберу едва удалось спастись от разбойников. По возвращении в Санкт-Петербург началась подготовка к Турецкому походу. В 1734 г. ему приказали доставить осадную артиллерию к Азову. Однако он добрался лишь до города Новопавловска-на-Дону, где «впав в жестокую болезнь, от которой 5 октября помянутого года и скончался»³.

Предисловие Миллера к публикации Гербера интересно не только биографической частью. Здесь содержится ценная информация об истории публикации работы Гербера с того момента, как в 1730 г. в Санкт-Петербурге Миллер получил копию текста от самого автора. Поскольку со времени создания сочинения Гербера прошло более тридцати лет, «а между тем в тех странах много перемен учинилось», то Миллер решил сопроводить публикацию собственными примечаниями.

Биографии деятелей науки и культуры можно найти и в других произведениях Г. Ф. Миллера, в которых, на первый взгляд, их быть не должно. Так, в первой в литературе монографии, посвященной Новгородской феодальной республике, которая оказала исключительно глубокое воздействие на дальнейшее развитие науки и искусства в России, Миллер поместил развернутый очерк жизнеописания одного из ближайших сподвижников Петра Великого, крупнейшего церковного и культурного деятеля той эпохи, архиепископа Новгородского Феофана (Прокоповича).

Феофан Прокопович, начинал свой рассказ Г. Ф. Миллер, «муж превосходных дарований и пространного учения [...] Я о нем больше имею известий, нежели о других. Для того прошу себе дозволения, описать житие его несколько обстоятельнее; да не должность ли сие, которую по справедливости могут великия его заслуги требовать от потомства?»⁴. Далее шел последовательный рассказ о жизни Феофана, который был рожден в 1681 г. в Киеве, «от отца мещанина, и при крещении наречен Елиазаром», – рассказ, перемежаемый в соответствующих местах отступлениями и заключениями общего характера. Важнейшим событием в судьбе Феофана, отмечал биограф, стала его встреча с царем Петром I, переросшая вскоре в глубоко доверительные отношения. Именно Феофану довелось реализовывать идеи реформирования церковного устройства на началах регулярного государства и замене патриаршества на синодальное правление, разрабатывать основы престолонаследия и др. Для Миллера – историка науки – феномен появления в русской истории деятелей типа и масштаба Феофана Прокоповича представлял огромный интерес. Ученый оттенял в биографии героя не только крупнейшие события политического свойства (кстати, Феофан как церковный иерарх короновал российских императоров – Екатерину I, Петра II и Анну Иоанновну), но, прежде всего, его роль в русском просвещении и культуре. Миллер отмечал речь Феофана, произнесенную при погребении Петра Великого, как яркий памятник панегирической литературы; вообще ученый весьма высоко ценил литературный талант архиеписко-

³ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. 1760. Июль. С. 3–10.

⁴ Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о Новгородских Князях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащая. 1761. Октябрь. С. 315. Миллер, как и все члены Санкт-Петербургской Академии наук первого десятилетия, был лично знаком с архиепископом Новгородским; их всех связывали в том числе чисто научные интересы.

па, в речах и проповедях которого «господствует мужественное красноречие»⁵. Жизнеописание Феофана Прокоповича логически обосновано; введенное в канву монографии о Новгороде Великом, оно завершалось также весьма характерным пассажем. Миллер писал, что сверх всего сказанного к похвале пастыря следует отнести его постоянную образовательную деятельность: «На подворье своем, как здесь в *Санктпетербурге*, так и в *Москве*, завсегда содержал 60 отроков, кои он, нарочно определенными к тому учителями, обучал языкам, наукам и художествам, такожде, что он оставил по себе превосходную библиотеку, которая досталась по всевысочайшему Императорскому указу семинарии *Антониева* монастыря в *Новегороде*»⁶.

Можно быть совершенно уверенным – главным историческим персонажем для Г. Ф. Миллера был русский император Петр I.

Петр I – просветитель, поставивший Россию на путь научного развития, создавший Академию наук, ставшую венцом его преобразований⁷, – для объективного историка и сугубо рационального человека, каким был Г. Ф. Миллер, – почти кумир. В сознании Миллера личность и образ Петра имели метафорический, даже метафизический смысл. Для Миллера, который был современником императора (возможно, однажды он даже видел царя)⁸, как и для многих других европейцев, Петр Великий – подлинный культурный герой.

Г. Ф. Миллера неизменно привлекали крутые изломы и драматические повороты истории: эпохи смены династий, внутренних неурядиц, смут, бунтов, войн с победами и поражениями, периоды правления ярких политических деятелей и т. п. Высокий профессионализм историка требовал обязательного изучения и осмысления именно таких ключевых моментов, когда на небольшом временном отрезке концентрировались события, определявшие движение и направление исторического процесса. Поэтому долгие годы, непрерывно собирая материалы к истории жизни царя Петра, ученый более всего интересовался его ранними годами – периодом борьбы за власть и становления личности будущего реформатора. Еще во время Сибирского путешествия он усиленно копировал в местных архивах грамоты времен совместного правления царей Иоанна и Петра Алексеевичей⁹. Опубликованные оригинальные работы ученого о Петре I в основном касались детства и юности, первых воинских занятий и т. п. Это статьи о юности Петра I, о «потешных» и начале Преображенского и Семеновского гвардейских полков, опубликованные в «Опыте трудов Вольного Российского собрания» (1778, 1780), о начале Санкт-Петербурга – «О бывшем городе Ниэншанце» (Ежемесячные сочинения.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. Здесь же в Истории Новгорода Великого у Миллера имеется обширное, в половину печатного листа, жизнеописание патриарха Никона, основанное на различных источниках, включая известия его первого биографа – И. К. Шушерина.

⁷ Знаменитый Ф. Рюйш, чья коллекция украсила Кунсткамеру, писал в июле 1724 г. Л. Л. Блюментросту, что видит в Академии венец завоеваний Петра I. См.: *Летопись Российской Академии наук*. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 34.

⁸ До нас дошло свидетельство, согласно которому Миллер сам рассказывал о том, как в его детские годы, когда «Петр Великий проезжал через Герфорд, то он, ушел из дому без башмаков, кои его отец спрятал, предупреждая его желание видеть Государя, и далеко бежал за ним в народе. Из сего еще тогда некоторые гадали, что он будет в службе у сего Монарха» – [Евгений (Болховитинов).] Герард Фридерик Миллер // *Сын Отечества*. 1821. № XXII. С. 51. Это сообщение Евгений в свою очередь заимствовал у Бюшिंगа.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 133. Ч. 4.

1755), «Санкт-Петербург» (Географический лексикон Российского государства, или Словарь... М., 1773) и др. Часть подготовленных работ осталась в рукописи, большую долю наследия Г. Ф. Миллера составляют накопленные им материалы к биографии Петра I, хранящиеся во многих портфелях его архивного собрания в РГАДА.

При более внимательном изучении научного наследия ученого постепенно устанавливается совершенно отчетливая тенденция – так или иначе связывать большинство исследовательских тем и сюжетов с деятельностью Петра Великого. Во многих случаях Миллер сам пишет, что данная проблема, либо публикуемые документы имеют важное значение, поскольку составляют часть истории императора. Даже собственные жизнь и судьбу ученый напрямую связывал с ним и по праву соотносил свое появление в России с созданием Петром I в Санкт-Петербурге высшего научного и учебного учреждения страны – Академии наук и приглашением первых академиков из числа зарубежных ученых. Спустя полвека Миллер писал: «Российскому государству служу я с 1725 г., но не имел я счастья в живых застать Петра Великого, коего указом для основанной сим государем Академии Наук, по призыванию президентскому, приехал я служить...»¹⁰.

Какой-либо специальной программы создания биографий сподвижников и современников Петра I, надо полагать, у Миллера не было. Но, безусловно, главный герой в истории России XVIII в. был одним из главнейших исторических персонажей для ученого. На этот счет имеется несколько свидетельств самого Миллера о том, что, издавая, например, письма императора Петра I к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву или проповеди епископа Гавриила, он имел всегда «при том главнейшим предметом историю Петра Великого»¹¹.

В свое время Миллеру приходилось доказывать, что письма Петра I к современникам – министрам, военачальникам и прочим «знатным особам» – необходимо издавать, поскольку они принадлежат к числу таких материалов, которые могут служить «основанием к истории отечества»¹². Особую значимость – подчеркивал исследователь – они приобретают в том случае, если адресованы к ближайшим сподвижникам императора. К числу таких и относились письма Петра I к генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, в которых «является Петр Великий без прикрасы могущества, пишет приятельски к приятелю, открывает внутренность мыслей своих, советы дает и оных требует, оказывает, каков Он был Сам, и каков был тот, на которого Он положил толикую доверенность»¹³.

Готовя к публикации письма императора, чьи основные деяния общеизвестны и памятны были всем, Миллер в предисловии писал, что читателям необходимо со-

¹⁰ Миллер Г. Ф. Описание моих служб // *Он же*. История Сибири. М.; Л., 1937. С. 147.

¹¹ Миллер Г. Ф. Описание моих служб... С. 155.

¹² Его призыв был услышан современниками. Кроме известных работ И. И. Голикова, посвященных Петру I, в 1780-е гг. вышли «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году» (1788), письма Петра Великого к С. П. Колычеву (1785), Н. А. Синявину (1786), к брату царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану (1788) и др. Лучшие из этих публикаций следовали принципам издания, сформулированным Г. Ф. Миллером.

¹³ Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу... графу Борису Петровичу Шереметеву, по большей части собственно государевою рукою, а иные с подлинников, хранящихся в Императорской кабинетной архиве, списанные, сколько оных нашлось у... графа Петра Борисовича Шереметева, которого желанием и старанием оныя ныне на свет изданы, и с предисловием о происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала... и о потомках его. М., 1774. С. 1.

общить «некоторое известие о главных обстоятельствах жития и о важности служб покойного фельдмаршала, дабы чрез то присовокупить нечто к описанию истории Петра Великого, которая у всякого, к истории отечества трудящегося, главным предметом быть должна»¹⁴.

В московский период, как уже отмечалось, Миллер много сил отдал археографической деятельности – изданию исторических источников и ученых трудов. В числе этих публикаций «Собрание проповедей...» епископа Гавриила (Бужинского) – одного из заметных деятелей петровской эпохи, бывшего обер-иеромонахом морского флота.

Миллера-ученого интересовало все, в том числе история православной церкви и других конфессий России; он был одним из зачинателей русской церковной археологии и собрал огромный тематический документальный материал. Тем не менее формально он не являлся историком церкви и, наверное, потому в меру осторожный исследователь писал, что не следует удивляться желанию переиздать такие специфические тексты, как тексты проповедей. Читатель, который в состоянии чувствовать «силу мужественного витийства с ученым сладкоречием и истинным благочестием соединенного», должен понимать, что сам Петр Великий выделял Гавриила из числа других выдающихся церковнослужителей, любил слушать его и лично повелел издавать его проповеди еще при своей жизни. В этой связи Миллер напомнил о переводе на латинский язык и издании петербургским пастором Т. Консеттом в 1726 г. в Берлине проповеди Гавриила, произнесенной им в годовщину смерти императора Петра I. Ранее изданные проповеди епископа Гавриила стали так редки, писал в предисловии Миллер, что о существовании некоторых он сам знал лишь понаслышке, и только счастливый случай предоставил ему проповедь в память взятия Шлиссельбурга. Таким образом, проповеди Гавриила заслуживают памяти и будут интересны читателям, поскольку прославляют Петра Великого и его деяния; вот, пояснял Миллер, «притчины, оправдывающие мое намерение». Немаловажно, добавлял он, знать, каким был жанр проповедей в прошлом, тем более важны и интересны тексты, соотнесенные с именем и делами великого реформатора. Как видно, и в этом случае для историка на первом плане – император Петр I.

Объявив побудительные причины издания проповедей Гавриила (Бужинского) и переходя к биографии епископа, Г. Ф. Миллер написал следующие знаменательные слова: «Да позволено мне будет, о житейских обстоятельствах преосвященного Гавриила нечто объявить, как то должность требует, достойных мужей память прославить, для приносимая за их труды благодарности, и для возбуждения к подражанию их заслугам потомства»¹⁵.

Далее следовал биографический очерк, в котором рассказывалось о малороссийском происхождении Гавриила Федоровича от фамилии «Буджински», о его обучении в Киево-Могилянской академии, о приезде в Москву и пострижении в 1707 г. в Заиконоспасском монастыре и проч.¹⁶ Биограф отметил, что ему осталось неизвестным, в каком году Гавриил назначен обер-иеромонахом морского флота, но уже в 1719 г. он в этой должности проповедовал в присутствии царя. В числе

¹⁴ Письма Петра Великого...

¹⁵ Собрание некоторых проповедей, говоренных с 1719 по 1726 год в присутствии Петра Великого и при гробе сего государя преосвященным Гавриилом. М., 1768. С. [III].

¹⁶ Подробнее о жизни епископа Гавриила см.: Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999. С. 65–66.

важнейших событий в жизни автора публикуемых проповедей ученый отмечал его назначение в члены Синода, в архимандриты Троице-Сергиева монастыря, директорство над всеми синодальными училищами и типографиями и, наконец, возведение в сан епископа Рязани и Мурома.

Небольшой по объему очерк биографии епископа Гавриила – первый по времени и до настоящего времени наиболее верный. При его сличении с соответствующим текстом митрополита Евгения (Болховитинова), автора лучшего русского биографического словаря начала XIX в., который прямо называет работу своего предшественника, обнаруживается, что первый очерк содержал максимум возможной информации¹⁷. Дело в том, что Г. Ф. Миллер сочинил его на основании собственноручных биографических записей архиерея на полях Следованной Псалтыри, которая хранилась согласно завещанию в библиотеке Славяно-греко-латинской академии¹⁸. Он объяснил, что получил этот важнейший источник от ректора Духовной академии архимандрита Антония (Зыбелина). И лишь только известие о смерти Гавриила Миллер почерпнул из материалов Синода.

Г. Ф. Миллера до сих пор упрекают в ошибочной атрибуции известного произведения А. И. Манкиева «Ядро Российской истории», неумышленно приписавшего это сочинение перу одного из петровских дипломатов князю А. Я. Хилкову. При этом не очень вспоминают, что историк первым ввел в научный обиход примечательный памятник исторической мысли первой четверти XVIII в., сопроводив публикацию биографическим рассказом о жизни, как он считал, автора сочинения – пусть и не первого ряда, но все же активного деятеля бурной петровской эпохи. Миллер располагал не очень богатыми источниками; он имел три списка публикуемого текста, а на основании родословных, разрядных, летописных материалов и устных свидетельств буквально по крохам собрал данные к биографии А. Я. Хилкова и разъяснил происхождение этой фамилии от Ряполовских, они в свою очередь вели родословную от князей Стародубских. Новым стало привлечение в качестве исторических источников домовых поминальных записей, «в которых иногда можно узнать даты смерти и числа лет и имена их супругов»¹⁹. Миллеру также был доступен статейный список посольства Хилкова, хранившийся в библиотеке его наследника князя А. Д. Голицына, который предоставил ученому и гравированный портрет петровского дипломата.

Примечателен моральный аспект выделяемый при написании Миллером биографии Хилкова. Говоря о его княжеском достоинстве, древность и знатность которого не уступают никакому другому роду, он отметил, что следует особо почитать публикуемое историческое произведение как сочиненное «такою особою, каковыя в трудах сего рода упражняться мало обыкли. Князь Хилков не имел по своей знатности, кому подражать в сочинении истории». Но последуют ли такой же степени знатности подражатели? – задавал риторический вопрос Миллер и сам же отвечал, что век «Премудрыя Великия Екатерины» демонстрирует не менее похвальной пример. Так,

¹⁷ Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С. 57–59.

¹⁸ В архиве Г. Ф. Миллера сохранились выписки из келейной Следованной Псалтыри епископа Гавриила, содержавшей информацию как о самом владельце книги, так и некоторых событиях петровской эпохи. См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель. 139. Д. 4. Л. 1–3об.

¹⁹ [Манкиев А. И.] Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, Князем Андреем Яковлевичем Хилковым, В пользу Российскаго Юношества, и для всех о Российской Истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. М., 1791. С. [8].

Архивный фонд Г.Ф. Миллера
в ПФАРАН

уже печатается «История Российская», принадлежащая перу другого сочинителя княжеского достоинства – М. М. Щербатова. «Коликая сия честь! коликая польза для России! – восклицал Г. Ф. Миллер. – Знатнейшия лица участие принимают в просвещении сограждан своих. Сие есть знак крепко вкореняющихся наук в неограничимой Российской Империи, когда знатность рода и ученость друг другу не противоборствуют»²⁰.

В первой части статьи уже говорилось, что Г. Ф. Миллер был первым биографом членов Санкт-Петербургской академии наук. В его истории Академии представлена серия биографических очерков о членах академической корпорации, которых по праву следует причислять к сподвижникам императора. В их числе первый президент Академии наук Л. Л. Блюментрост, урожденный москвич, один из сыновей лейб-медика царя Алексея Михайловича.

Как известно, Блюментрост входил в ближайшее окружение Петра I, являлся его доверенным лицом и не только по исполняемой им с 1719 г. должности лейб-медика царя. Под его начало были отданы императорская Кунсткамера с естественно-научными коллекциями и императорская Библиотека, послужившие материальной основой будущей Академии; в

ее создание Блюментрост внес существенный вклад²¹. Миллер не только написал первую биографию первого президента Академии, но, хорошо зная своего героя, донес до нас драгоценные сведения и характеристики личностного (субъективного, и в этом их значимость) характера. Он описывал его как человека обаятельного, который с людьми обращался учтиво и дружелюбно, даже тогда, когда возглавил Академию наук, и потому его все почитали и любили²².

Другим доверенным Петру I человеком был И. Д. Шумахер. Он оставил по себе память большей частью негативного характера. Здесь не место рассматривать личные качества этого человека, его истинные заслуги как незаурядного администратора и причины, по которым на протяжении нескольких столетий он воспринимается как антигерой российской науки²³. Важно подчеркнуть, что Петр I действительно привлекал Шумахера для исполнения важных государственных поручений,

²⁰ Там же. С. [13].

²¹ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 1–15.

²² Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. 6. С. 22.

²³ Подробнее см.: Савельева Е. А., Леонов В. П. У истоков Академической библиотеки // ВИАТ. 1999. № 2; Илизаров С. С. Первый очерк истории Академии наук и его автор И. Д. Шумахер // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 756–758.

и Миллер, многие годы находившийся с ним в жесткой конфронтации, оставил достаточно подробный биографический очерк об этом человеке. В истории Академии Шумахер представлен как весьма ловкий человек, правивший, к всеобщему удивлению, более 30 лет с исключительным, хотя и переменным успехом, но всегда имея в виду собственный интерес. Под личиной внешне беспристрастного рассказчика Миллер не мог скрыть своего иронично-саркастического отношения к одному из своих яростных противников. Это проглядывает в его замечаниях о невозможности причислить Шумахера к ученым, о полученном им в 1714 г. звании библиотекаря, «на которое смотрели тогда так пренебрежительно, что по табели о рангах Петра Великого оно помещалось в низший класс обер-офицеров (фендрики)»²⁴ и т. д.

А. Бюшинг

Первый президент Л. Л. Блюментрост и первый главный администратор И. Д. Шумахер, ряд других сотрудников Академии наук были лично знакомы ее создателю – императору Петру I. Но в истории Академии наук, написанной Г. Ф. Миллером, содержатся десятки биографий первых ее членов, которые были приглашены в Россию «по зову» Петра I, но лично с ним никогда не встречались. И, наконец, как уже отмечалось, Г. Ф. Миллер – биограф Петра Великого, его современников и сподвижников, сам принадлежал к числу этих людей.

Академик Миллер был также главным биографом самого себя. В его знаменитом архиве, купленном императрицей Екатериной Великой для хранения в Московском архиве Коллегии иностранных дел, имеются несколько портфелей, в которых подобраны материалы, систематизированные самим историографом, касающиеся его жизни (№ 248), служебной деятельности (№ 249); отдельно хранятся сочинения Миллера юношеского возраста (№ 250). Эти и многие другие архивные материалы составляют документальное наследие Миллера, которое вопреки воле ученого и Екатерины II, оказалось рассредоточенным по РГАДА (ф. 199, 181 и рассеянное собрание печатных и рукописных книг в Библиотеке архива) и ПФА РАН (ф. 21). Уникальная источниковая база, позволяющая реконструировать в деталях жизненный и творческий путь Миллера, колоссальный объем свершенных им дел – вот две главные причины, по которым до сих пор нет полномасштабной биографии ученого. До настоящего времени лучшими являются ранние биографии Миллера. Одна – написанная и изданная в Германии другом ученого А. Бюшингом. Он больше, чем кто-либо, знал все обстоятельства жизни Миллера в России, и ему ученый постоянно впрок передавал документы и информацию к своей будущей биографии. Другая – это не раз цитировавшийся очерк митрополита Евгения (Болховитинова), работа менее самостоятельная, чем труд Бюшин-

²⁴ Материалы к истории... С. 22.

Митрополит Евгений (Болховитинов)

га, но на русском языке она, наверное, лучшая. Я думаю, что причина успеха работы митрополита Евгения заключена в созвучии и единстве фундаментальных жизненных и нравственных оснований того и другого великого труженика.

Beruf von Müller

Немецкое слово «Beruf» означает профессию и призвание. В этом понятии, существующем, по М. Веберу, у всех «протестантских (по преимуществу) народов»²⁵, заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни, становится его «призванием». Эта модель лучше любых психологических типологий помогает понять побудительные мотивы деятельности сравнительно долгой биологической и невероятно продуктивной творческой жизни академика Г. Ф. Миллера. Ему – как ученому, издателю, историку науки – действительно приходилось нередко выполнять исследования и работы, полученные в ви-

²⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М., 1990. С. 96. В английском языке этому понятию соответствует слово «calling».

де государственных заданий. Понимание и исполнение долга как жизненного призвания – причина успеха, почти всегда сопутствовавшего Миллеру. Так было в начале его работ по истории географических открытий.

История географии и картографии

Трудно определить время, когда Г. Ф. Миллер стал работать как историк науки. Для всего его творчества и не только как ученого историка, но и географа, этнографа, издателя присущ исторический подход, и потому уже в ранних публикациях можно встретить фрагменты, а то и целые произведения историко-научного характера. Точнее его следует называть историографом. Именно этот научный титул он получил в Российском государстве, и Миллер по праву, как никто, носил его с 1747 г. Нетрудно обнаружить хронологическую черту, когда он приступил к созданию чисто историко-научных работ, причем произошло это не по воле ученого, но, как не раз бывало в его долгой творческой жизни, именно Миллер оказывался подготовленным к любому заданию, связанному с решением научных задач, подчас выходящими за пределы его компетенции.

Миллер как историк науки начался с истории географии и географических открытий. Обстоятельства этого события неоднократно описывались в литературе, и суть их сводится к тому, что в сентябре 1752 г. в Париже вышла книга «*Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du Sud*» Ж. Н. Делиля, бывшего коллеги Г. Ф. Миллера по Санкт-Петербургской академии наук и по первому академическому специализированному подразделению – Географическому департаменту.

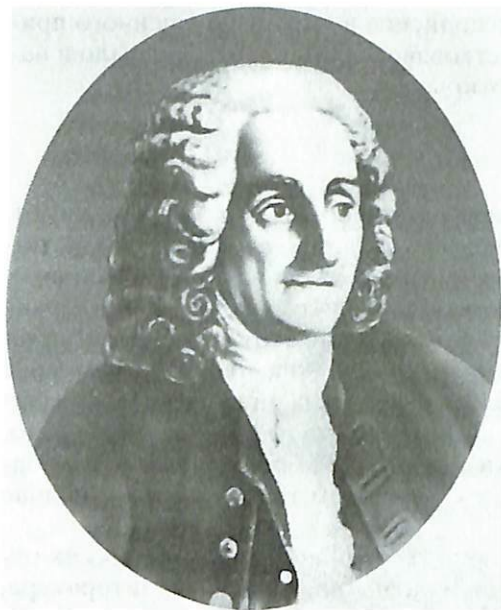
В Санкт-Петербурге загодя, не позднее мая, узнали о готовящемся издании, и, вероятно, непосредственно от Делиля Академия получила его труд и карту ²⁶. Вскоре после публикации русский посол, бывший в 1733–1734 гг. президентом Академии наук граф Г. К. Кейзерлинг, в своей реляции в Коллегию иностранных дел обращал внимание на выход в свет этой публикации, где содержалось обещание Делиля выпустить специальные новые карты о России, которые покажут ошибочность и неточность карт, изданных в Санкт-Петербурге.

Книга Делиля содержала немало фактических ошибок и субъективных оценок в вопросе о приоритетных морских открытиях на Тихом океане, вольно или невольно ²⁷ задевала государственные интересы России, не говоря уже о научно-этических аспектах. Поэтому Кейзерлинг как искушенный дипломат и опытный политический деятель посчитал необходимым рекомендовать Санкт-Петербургской академии выступить с разоблачением ошибок и истинных источников информации Делиля. Его предложение поддержали в Коллегии иностранных дел и при Дворе.

В следующем 1753 г. в соответствии с ордером президента Академии Канцелярия составила предписание Миллеру с поручением подготовить опровержение. Миллер к тому времени уже опубликовал на русском языке первый том «Истории Сибири» (фактически это была первая фундаментальная научная монография по

²⁶ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.: Л., 1965. С. 120.

²⁷ А. И. Андреев убедительно показал, что Ж. Н. Делиль, писавший о том, что В. Беринг не был у берегов Америки (их достигли только А. И. Чириков и Л. Делиль де ля Кройер), скорее всего не искажал реальные события, а попросту не мог еще знать о плавании «Св. Петра».

Ж.Н. Делиль

истории, написанная на отечественном материале!) и трудился над составлением истории Камчатской экспедиции. Теперь он должен был в срочном порядке подготовить описание морской части экспедиции, в которой непосредственного участия не принимал. Тем не менее получив доступ к необходимым материалам, Миллер в течение месяца сочинил на французском языке знаменитое в истории географии «*Lettre d'un officier de la marine Russe...*», оно было в том же 1753 г. напечатано без имени автора в Берлине, а затем переведено и издано на немецком и английском языках²⁸. На русском языке это сочинение никогда не публиковалось, хотя сохранились несколько редакций перевода, выполненного в те годы. Это произошло не только по причине невозможности обнаружить авторство «Письма российского морского офицера», но и потому, что эта работа в своей содержательной части вскоре оказалась

поглощенной в других публикациях, как на немецком, так и на русском языках, уже с указанием имени сочинителя²⁹.

Тема «Миллер – географ и историк географии», несмотря на определенные временные издержки и подчас несправедливо заниженные оценки выдающегося вклада ученого в развитие знаний, изучена лучше всего³⁰. Поэтому далее я несколько подробнее остановлюсь на работах Г. Ф. Миллера по истории картографии, которые хорошо известны³¹, но, по-моему, недооценены как памятник историко-научной мысли.

²⁸ Подробнее см.: *Breitfuss L.* Early maps of North-Eastern Asia and of the lands around the North Pacific. Controversy between G. F. Müller and N. Delisle // *Imago Mundi*. 1939. V. III. P. 87–99. В отечественной литературе лучший анализ специфических обстоятельств написания Миллером работ по истории Камчатской экспедиции и разбор их содержания представлены в вышеназванной работе выдающегося историка науки А. И. Андреева.

²⁹ Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. 1758. Январь–июнь. С. 3–27, 99–120, 195–212, 291–325, 387–409; Июль–декабрь. С. 9–32, 99–129, 195–232, 309–336, 394–424.; Позднейшее издание этого сочинения см.: Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19–126. Здесь же впервые издано другое историко-географическое сочинение Миллера «Известия о новейших кораблеплаваньях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 года, то есть по окончании второй Камчатской экспедиции. Часть из истории государствования великия императрицы Екатерины Вторыя» (см. с. 126–179).

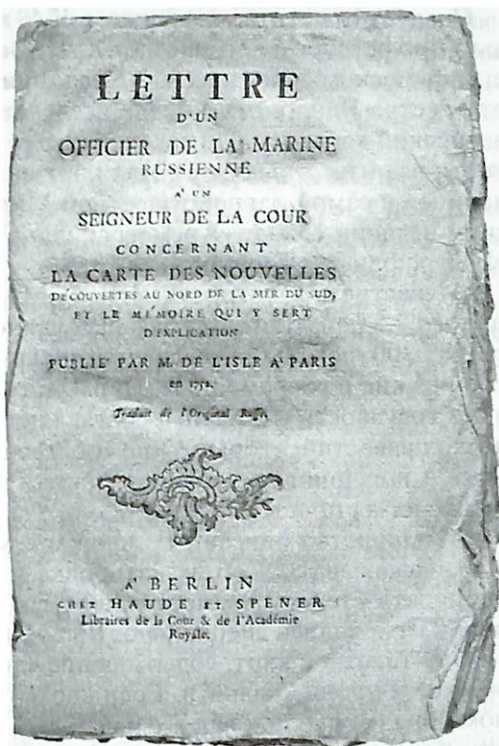
³⁰ Новейший добротный обзор выполнен В. А. Есаковым, который в своем монографическом исследовании посвятил специальный раздел под заголовком «Г. Ф. Миллер и его работы по истории и географии как источник формирования предмета истории географии». См.: Есаков В. А. Очерки истории географии в России XVIII – начало XX вв. М., 1999. С. 78–90.

³¹ Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.

Готовясь к сибирскому путешествию, Миллер основательно проштудировал все тематические источники – и письменные, и картографические. По возвращении в Санкт-Петербург Миллер, как по своим должностным обязанностям, так и по личным научным интересам, много и продуктивно занимался картографическими работами³². Об этом он сам довольно подробно писал спустя десятилетия в автобиографии, что свидетельствует о большой значимости для ученого этого вида деятельности. Миллер, в частности, выделял составление в 1745–1746 гг. новой генеральной карты Сибири, карты 1754 г. русских морских открытий (издана в 1758 г.), карт для опубликованного под его редакцией в 1755 г. «Описания Камчатки» С. П. Крашенинникова и ряд других своих работ³³.

Упомянувшееся выше сочинение Миллера «Письмо российского морского офицера...» построено в значительной мере на сравнительном изучении и тонкой критике картографических источников. Это «Письмо...», имевшее выраженное функциональное предназначение, при этом содержало несколько выразительных сюжетов по истории картографирования территории России: организации съемок и работы Географического департамента над Генеральной картой. Особенно интересны свидетельства и оценки, данные Г. Ф. Миллером, роли И. К. Кирилова в создании Атласа Российской империи, состоянию геодезических работ в первой трети XVIII в., деятельности Ж. Н. Делиля и т. п.³⁴

Названные и другие обстоятельства жизни Миллера, прежде всего непосредственное руководство с 1752 г. картографическими работами в Академии наук, объясняют причины и основные факторы создания важнейшего сочинения XVIII в. по истории картографии. К числу приоритетных достижений Миллера – историка научных знаний – относится опубликованное им в 1761 г. «Известие о ландкартах, касающихся до Российскаго государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат», которое является первой сводной работой на русском языке по истории картографии.

Первое издание сочинения Г. Ф. Миллера «Lettre d'un officier de la marine Russe à un seigneur de la Cour...». Berlin, 1753

³² Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: Л., 1946; Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

³³ Миллер Г. Ф. Описание моих служб // Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 136–148.

³⁴ Lettre d'un officier de la marine Russe à un seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud et le memoire qui y sert d'explication publié par M. De l'Isle à Paris en 1752. Traduit de l'original russe. Berlin; ПФА РАН. Ф. 21. Он. 5. Д. 173. Л. 5–7.

Следует отметить, что ранее, в 1748 г., был издан на русском языке подготовленный профессором астрономии Х. Н. Винсгеймом каталог карт, хранившихся в Географическом департаменте Академии наук³⁵. Однако работа Миллера, в отличие от реестра Винсгейма, носила исследовательский историко-научный и источниковедческий характер. Он задался целью описать в хронологической последовательности все известные ему тогда карты о России и соседствующих с ней государств, начиная с самой ранней известной Миллеру карты России, помещенной в базельском издании 1550 г. «Космографии» С. Мюнстера до лондонского издания 1761 г. «Географии» А. Бюшинга.

«Известие о ландкартах...» Г. Ф. Миллера – обширное сочинение (объемом без малого 2,5 печатного листа!), основанное на большом круге источников, содержит свыше 300 описаний атласов и отдельных карт. Автор различал два вида карт – исторические и современные. Первые, содержащие информацию «о прежнем состоянии государств и земель», составляются на основании географических и исторических известий; вторые – «по собственному новейших времен описанию и измерению. А новейшая времена разумеются те, которые не больше двух или трех сот лет от нас назад простираются»³⁶.

Большинство описанных ландкарт Миллер изучал визуально, и это позволяло ему высказываться об их датировке и авторстве, оригинальности и обоснованно оценивать степень заимствования; все случаи невозможности дать точную датировку отмечались специально. В своем описании он воспроизводил на языке оригинала тексты с карт, содержавшие заглавие, имя автора, посвятительные, дарственные и прочие надписи. Если карта была редкой, то тогда Миллер в обязательном порядке публиковал все надписи и, как правило, указывал точные размеры листа. Каждый раз, описывая атлас, он детально отмечал каждую карту; только в одном случае – называя Российский атлас 1745 г., который «всякому известен», он отступил от этого правила³⁷.

Оценки различным картографическим произведениям, дававшиеся Миллером, в основном соответствуют современным. Зачастую его высказывания были резкими и нелицеприятными. Так, критически отзываясь о некоторых ранних работах знаменитого нюрнбергского географа И. Б. Гомана, Г. Ф. Миллер отметил: «сочиняемые по книгам и по несовершенным описаниям ландкарты очень мало бывают хвалы достойны»³⁸. Известные граверы петровского времени П. Пикарт и А. Шхонбек отмечены у Миллера как «невеликие мастера»³⁹. Пожалуй, наиболее резкие критические оценки Миллер давал деятельности голландского картографа Авраама Мааса. По его словам, Маас, большей частью живший в Санкт-Петербурге и сочинявший в 1730-е гг. карты Финского залива и Балтийского моря, «не был муж знанием и прилежностию похвальной; его старание не к тому склонялось, чтоб его карты были достоверны. Он работал за деньги, и выбирая из всяких карт, что попало, выдавал за новое [...] притом рисовал не чисто, писал худо, и редко бывал трезвой»⁴⁰.

³⁵ Реестр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся в Географическом департаменте при Императорской Академии наук [СПб., печ. При Имп. Академии наук, ноября 9 дня 1748].

³⁶ [Миллер Г. Ф.] Известие о ландкартах касающихся до Российскаго государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. 1761. Ноябрь – декабрь. С. 387.

³⁷ Там же. С. 504.

³⁸ Там же. С. 431.

³⁹ Там же. С. 428.

⁴⁰ Там же. С. 494.

Осмысливая генезис отображения на географических картах пространства Российского государства, Г. Ф. Миллер выделил как этапное явление амстердамское издание 1687 г. «Nieuwe Landkarte van het Noo der en Ooster deel van Asia en Europa» Н. Витсена. Исследователь писал: «Сею картою начинается новый период в землеописании и истории ландкарт о России [...] Его старания были безконечны, чтоб о неизвестных странах северо-восточной Азии надежные собрать известия и сообщить свету. [...] Он первой изобразил на ней все от *Енисея* к востоку лежащая страны, хотя не с совершенною подлинностию, однако гораздо точнее, нежели все его предки, и показал свету, что границы Российскаго государства простираются до *Китая* и *Японскаго* Океана. Правда, что главнейшее намерение сей карты касается до *Сибири*, однако и большая часть России на оной представлена; такожде по большей части пограничныя к полудню государства и земли много ею изъяснены»⁴¹.

Кстати в личном собрании Миллера имелся экземпляр карты Витсена, на котором, как не преминул отметить ученый, была наклеена «бумажка» с напечатанной надписью следующего содержания: «Carte nouvelle de la Grande Tartarie par Mr. Nic. Witsen Bourgemaitre etc. á Amsterdam dressée sur les degrés du Sr. Sanson». Были у Миллера и другие ценные картографические издания, например атлас Меркатора (Amsterdam, 1628). Последовательно разбирая изображения России и примыкающих территорий на картах Меркаторов, Миллер отделял произведения Герарда Меркатора от работ его детей и внуков, отмечая, что информации об Иоганне и Михаиле Меркаторах нет даже в общедоступных справочниках⁴².

В свое время Д. М. Лебедев обратил внимание на то, что Г. Ф. Миллер в «Известии о ландкартах...» восстановил соавторство Ф. И. Соймонова в подготовке первой на русском языке печатной карты Каспийского моря 1720 г.⁴³ Отсутствие в титуле карты фамилии лейтенанта Ф. И. Соймонова ученый объяснял тем, что работа, выполнявшаяся по указу Петра I, проводилась под руководством старшего тогда по чину капитан-лейтенанта К. фон Вердена. Миллер, который очень высоко ценил труды Соймонова и немало содействовал их изданию, в рассматриваемом здесь сочинении особенно выделял его новую карту, прилагавшуюся к изданному в 1731 г. описанию Каспийского моря. Это произведение отличалось, по словам историка, не только точнейшим очертанием морских берегов и новым измерением глубин, но первой публикацией новейшей съемки восточного берега, исполненной с «великим рачением»⁴⁴. Столь же высоко оценивал Миллер лучшую в свое время карту Сибири Ф. И. Страленберга (1730 г.).

В творчестве Г. Ф. Миллера одной из центральных тем была история жизни и деятельности Петра Великого. В «Известии о ландкартах...» он также неоднократно обращается к роли царя-реформатора в становлении и развитии в России геодезии, фактически создавая в основных фрагментах историю картографии первой четверти XVIII в.⁴⁵

«Известие о ландкартах...» кроме чисто справочно-картографической информации содержит много отдельных ценных исследовательских наблюдений и реминисценций. Так не зависимо от того, верны или нет с современных научных позиций

⁴¹ Там же. С. 415–416.

⁴² Там же. С. 403.

⁴³ Лебедев Д. М. География в России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 216.

⁴⁴ [Миллер Г. Ф.] Известие о ландкартах, касающихся до Российскаго государства... С. 486.

⁴⁵ Там же. С. 444–446, 488–489 и др.

оценки Миллером результатов трехлетних (с 1742 г.) исследований англичан в бассейне Каспия под командованием капитана Т. Вудрофа, замечания историка заслуживают внимания. И тем более ценны сообщения Миллера о том, что Д. Генвей – автор книги, в которой были помещены несколько карт Каспия и Оренбуржья, – пользовался советами и информацией В. Н. Татищева, что в свою очередь делало результаты работы англичанина «во всем достоверными»⁴⁶.

В. И. Греков, один из немногих, кто по достоинству оценил «Известие о ландкартах...» Г. Ф. Миллера, отмечал, что эта сводка позволяет ориентироваться в изданиях, рассеянных по разным странам, частью забытых или утерянных, и потому представляет большой интерес для современных исследователей⁴⁷. Это, безусловно, так, но, наряду с утилитарным смыслом, данное произведение академика Миллера должно рассматриваться как памятник историко-научной мысли, характеризующей начальное развитие отечественной историографии истории науки.

Спустя многие годы, в 1779 г., по просьбе директора Академии наук С. Г. Домашнева, Г. Ф. Миллер написал пространное письмо с изложением своих взглядов на состояние картографии в России. Хотя ученый и занимался многие годы прикладной картографией и географией и даже успешно руководил Географическим департаментом Академии наук, он все же прежде всего – историк. Историзм у Миллера присутствует во всем, каких бы сюжетов и проблем ему не приходилось касаться. Так было и в этот раз. Миллер выступал как историк географии и начинал свое географическое эссе с обзора источников, содержащих тематическую информацию. Он писал, что о состоянии российских государственных границ могут поведать не только летописи, но и такие специфические документы XIV–XV вв., как духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Тщательный анализ летописных и актов архивных материалов даст возможность сделать много открытий, не приходивших никому в голову «и незаменимых для более успешного освещения русской истории»⁴⁸. Миллер писал, что и сам взялся бы за такое исследование, если бы он не был перегружен другими делами, да к тому же Академия, несмотря на неоднократные его обращения, не торопилась прислать помощника и преемника, которому можно было бы передать эту работу.

Обращаясь к директору Академии, Миллер напомнил, что ранее он не только перечислил, но и дал оценку всех известных ему тогда карт Российской империи, правда, при этом он сослался не на русское издание в «Ежемесячных сочинениях», а на шестой том «Sammlung...». Здесь также важно указание на то, что его описание было доведено до 1772 г. профессором Д. Х. Шмидтом (*Beyträge zur Kenntniss der Staats ver Fassung von Russland. Herausgegeben von D. Christoph Schmidt gekannt Phiseldek. Riga, 1772. S. 194–216*). Сославшись на отдаленность Москвы и невозможность оперативного получения новых иностранных карт, Миллер предельно четко написал, что все они являются копиями с русских оригиналов, а «оригиналами же я называю карты, которые впервые вышли в свет в России»⁴⁹. Однако он предпочел не решать вопрос о том, следует ли считать оригиналами только те карты, которые впервые изданы в России по первоисточнику, или же к ним можно причислять публикации переработанных вариантов.

⁴⁶ Там же. С. 514.

⁴⁷ Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 327–328.

⁴⁸ Гнучева В. Ф. Географический департамент... С. 223.

⁴⁹ Там же.

Рубежом в ранней истории российской картографии было издание в 1745 г. Атласа, состоявшего из генеральной и девятнадцати специальных карт. После возвращения в Санкт-Петербург из сибирского путешествия, начиная с февраля 1743 г. Миллер пытался влиять на качество подготовляемой работы. Однако его предложения по исправлению многочисленных ошибок, особенно касающихся тех мест Российской империи, которые Миллер досконально изучил во время десятилетнего путешествия по Сибири, не были учтены. Атлас издали без должной научной апробации, и Миллер в письме к Домашневу довольно подробно излагал свое представление о событиях тридцатипятилетней давности. Кроме этого, в рассматриваемом кратком очерке истории академической российской картографии Миллер чуть подробнее рассказал о подготовке им генеральной карты Сибири, ее частичном использовании в публичном споре с Ж. Н. Делилем и в посмертной публикации описания Камчатки С. П. Крашенинникова.

Исторические воспоминания в письме 1779 г. необходимы были Миллеру для лучшего обоснования своих воззрений теоретического характера. Он высказывался против использования курсивного шрифта в надписях на картах, который, по его мнению, не подходил для русского языка, против излишне затейливых рамок (*Cabinetstücke*) и т. д. Опираясь на собственный картографический опыт и анализ вопроса в целом, он подробно высказывался о соотношении вида, формата и масштаба карт с номенклатурой географических объектов, помещаемых на них. Самое важное при оценке качества карт, по мнению ученого, «их внутренние достоинства. Карты верны и точны, если они представляют местность такой, какова она в натуре, подобно тому, как портрет представляет оригинал, когда они ничего не добавляют и не отнимают, когда они утверждены астрономическими наблюдениями»⁵⁰. Каждая карта, выпускаемая Академией наук, считал Миллер, должна быть проверяема по всему своему содержанию теми, кто хорошо знает данную местность.

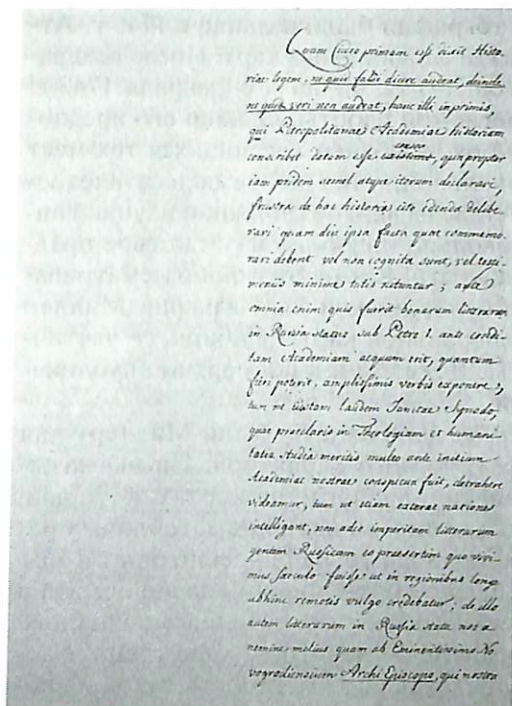
Запрещенный проект по истории просвещения Древней Руси

Для первых членов Санкт-Петербургской академии одним из приоритетных направлений в исследованиях по истории науки являлось совершенно неведомое им состояние образования, просвещения и учености в России допетровского периода. Не раз упоминавшаяся исследовательская программа 1732 г. Г. Ф. Миллера содержала специальный VIII раздел, где ставилась задача изучения истории в России школ и академий, происхождения алфавита и искусства письма, происхождения и развития книгопечатания, «роспись всех по сю пору напечатанных в России книг и прочая»⁵¹.

В проекте Х. Гольдбаха 1735 г. по написанию истории Академии наук этот мотив звучал весьма эмоционально: «Прежде всего нужно изложить по возможности более полно, каково было состояние науки в России при Петре I до основания Академии. И пусть иностранцы поймут, что русский народ не был вовсе неученым, в

⁵⁰ Там же. С. 227.

⁵¹ Müller G. F. *Berzeichnus Derjenigen Materien, welche in der vorgeschlagenen Sammlung von allen zu der Historie und Geographie des Russischen Reichs gehörigen Nachrichten und Authentiquen Documenten nach und nach Können abgehandelt und vorgetragen werden // Sammlung Russischer Geschichte. 1732. Bd. 1. Stück 1. S. 7.* В обоих сохранившихся экземплярах на русском языке «Объявления Предложения до исправления российской истории касающегося...» текст обрывается на VII разделе.

Страница проекта Х. Гольдбаха 1735 г.
(РГАДА.Ф. 199. Оп. 1. Портфель 257.
Д. 21. Л. 5)

куствах до эпохи правления Петра Великого. Но материалов для этих разделов совершенно не хватало, и в письме к Миллеру от 19 ноября 1765 г. Штелин просил: «Поскольку Ваше благородие дольше, чем кто-либо, пребывали в обширном лабиринте древней истории России и осмотрелись в ней внимательнее, чем кто-либо иной, то Вы неизбежно должны были встретить там и сям некоторые произведения, предположительно скорее греческие, чем варварские, вышеупомянутых художеств». Спустя полгода Штелин не выдержал и в июльском 1766 г. письме вопрошал: «Но где же обещанные мне сведения, которые я с нетерпением ожидаю..?». Однако ждать пришлось долго, и дело заключалось не столько в желании или нежелании Миллера услужить своему коллеге, сколько в скудости источников и неразработанности вопроса. Миллер, судя по всему, делал что мог. Он обещал сообщать сведения о художествах в Древней Руси, но нетерпеливый Штелин подгонял. Убеденный, что у «древних россос все же была своя особая музыка», издавна была развита церковная живопись, он вновь засыпал своего корреспондента различными вопросами типа: «Кто же все-таки написал в технике фрески древних великих князей на стенах Архангельского собора в Кремле? Эти и сотни других подоб-

особенности в век, в который мы живем, как это обычно думали в отдаленных от нас странах». Далее он предлагал расспросить об этом архиепископа Феофана (Прокоповича)⁵². Как видно, проект Миллера в сравнении с предложениями Гольдбаха был не только более детален, но и предполагал изучение истории вопросов образования и просвещения на существенно большую хронологическую глубину.

Свидетельств о неподдельном и глубоком интересе ученого сообщества XVIII в. к российским древностям немало. К примеру, когда Г. Ф. Миллер перебрался в Москву, то его буквально «забросал» письмами из Санкт-Петербурга историк искусств академик Я. Я. Штелин. Он по крупицам собирал все сведения о произведениях, мастерах и событиях в рисовальном, живописном, гравировальном, скульптурном, архитектурном, музыкальном и танцевальном искусствах в России. По плану Штелина, каждый из перечисленных видов должен был составить отдельную главу его труда, а каждая глава содержать раздел об изящных ис-

⁵² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 257. Д. 21. Л. 5. Здесь цитируется по: Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах. 1690–1764. М., 1983. С. 207. Обращает на себя внимание самоидентификация Гольдбаха как россиянина, своей позицией противостоящего незнающим или имеющим ложные представления иностранцам. Судя по контексту, так же должны были себя воспринимать и его коллеги по Академии, к которым он обращался, зачитывая проект.

ных сведений можно, вероятно, еще разыскать. Ломоносов сказал мне однажды, он знает все это и хочет записать для моего употребления. Но кто хотел бы спросить об этом, должен спрашивать кладбище»⁵³. Из более поздних писем следует, что Миллер все же передавал Штелину подобранные тематические сведения из летописных и иных источников, но тот и спустя годы не переставал просить и надеяться получить все новую и новую информацию.

Этот пример один из многих, и только отчасти может рассматриваться в качестве сюжета по историографии научных знаний, да и то при широком понимании ее предмета. Однако с Миллером, его историко-научными идеями и начинаниями прямым образом связано иное, довольно примечательное событие, которое в случае благополучного завершения могло бы стать значимой вехой развития историко-научных знаний.

В 1757 г. для мартовского номера журнала «Ежемесячные сочинения» был выполнен типографский набор статьи Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии». И по названию, и по содержанию эта работа полностью созвучна научным интересам Миллера, и хотя нет прямых доказательств, можно уверенно утверждать, что свою статью Полетика писал под руководством ученого.

Григорий Андреевич Полетика (1723 или 1725, Ромны (?) – 27.11.1784, Санкт-Петербург) малороссийский дворянин, сын значкового товарища Лубенского полка, с 1737 г. по 1745 г. учился, как записано в его аттестате, «свято и непорочно» в Киево-Могилянской академии⁵⁴. 9 июля 1746 г. Полетика подал челобитную о зачислении переводчиком с латинского и немецкого языков и для «продолжения наук» в Санкт-Петербургскую академию. Проведенный экзамен профессорами Я. Я. Штелиным, В. К. Тредиаковским и адъюнктом Х. Г. Крузиусом⁵⁵ на знание русского, немецкого, латинского и греческого языков подтвердил «довольное ис-

⁵³ Штелин Я. Записки об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 429.

⁵⁴ Аттестат Г. А. Полетики, написанный его непосредственным учителем по древнееврейскому и греческому языкам иеромонахом Варлаамом, был в высшей степени положительным: «Показанный пан Григорий во все свое в академии киевской пребывание имел безпорочное житие, и добронравием своим прочим и добродетельному житию примером был. На котором добродетельном житии, аки на незыблемом основании с начала назидал учение риторическое и философское искусство, також и священных языков еврейскаго и греческаго учение совершил с довольною пользою своею и другим превосходжением; что же касается до немецкаго языка, котораго под великим учителем Симоном Тодорским, нынешним преосвященным епископом псковским, учился, в том так преуспел, что и сам совершенно с похвалою своею и пользою слышащих его оный преподавать может, чему свидетель есть так истинный (як верный я тому самовидец) частые от него и к нему в корреспонденции из Шленска на том языке переписки, за что он, пан Григорий, от добре то ведущих и пользу общую смотрящих первых в кандидатах поставлен, для учения немецкаго языка в академии киевской». См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8. (1746–1747). С. 150.

⁵⁵ Сохранились отдельные рапорты экзаменаторов. Так, Крузиус докладывал, что во время экзамена Полетика переводил тексты Теофраста на латинский язык, отвечал на вопросы по семантике и грамматике, и «из его ответов на предложенные ему вопросы и из перевода довольно я уверен, что он как основания грамматическия знает, так в чтении и толковании греческих писателей немало упражнялся», и потому, заключал экзаменатор, он не только может успешно продолжать образование, но и в переводе греческих книг «полезныя услуги оказать в состоянии». Штелин также подтвердил высокий уровень знаний Полетики в латинском языке и более слабые в немецком. По наблюдению Тредиаковского, Полетика показал изрядные знания в латинском языке, «однако российский язык есть по большей части в переводе диалект малороссийский в разсуждении речей и целых воображений». (Там же. С. 158–159, 162, 166.)

кусство» Г. А. Полетики, и с 1 августа он зачислен в академический штат. Тогда же он начал изучать в Академической гимназии французский язык под руководством профессора П. Л. Леруа; математику ему преподавал Г. В. Рихман⁵⁶. Однако прослужив «безпорочно» в Академии наук меньше полутора лет, Полетика возымел намерение определиться в службу «при другой команде» и на свое прошение получил 8 февраля 1748 г. увольнение и аттестат. Новой «командой» явился Синод, куда он также определился переводчиком (с 1760 г. стал духовным цензором), но при этом связи с Санкт-Петербургской академией Полетика не утратил⁵⁷. В 1750-е гг. началась его литературная деятельность, состоящая главным образом в переводах сочинений Эпиктета, Аристотеля (отдельные главы «Риторики» и «Политики»), Ксенофонта и др. Из оригинальных сочинений Полетики известна первая часть его статьи «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии». Других оригинальных работ, достоверно принадлежащих перу Полетики, неизвестно, что может служить дополнительным аргументом в пользу определения высокой степени влияния Миллера на создание этой работы.

В исследованиях по истории русской культуры и просвещения эпохи средневековья исключительно важную роль имеет репрезентативность источниковой базы. Этих материалов крайне мало, они, как правило, лапидарны и отрывочны, а для уровня научных знаний середины XVIII в. (при отсутствии в то время исторических архивов, неразработанности российской истории в целом и т. п.) появление научного исследования по данным проблемам, да к тому же основанного на глубокой проработке источников, – явление исключительное.

Статья Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России...», написанная в жанре письма к приятелю, перекликалась с теми вопросами, которые изначально ставились академическими учеными. Полетика начинал с тезиса о том, что все иностранные писатели либо весьма мало, либо вообще не имели надежных источников как о современном, так, тем более, о древнем состоянии России. Отсюда проистекают их странные понятия, ошибочные, а подчас и смешные писания. В заблуждениях иностранцев, отмечал автор, «мы может быть более виноваты, нежели они, потому что не сообщаем им никаких подлинностей о Российской истории»⁵⁸.

Всем иностранцам, писал автор, присуще мнение о том, что в Российской империи до времен «великого ее просветителя [...]» никаких училищ и учений не было и что наш народ был так груб и несведущ, что кроме природного, ни на котором ино-

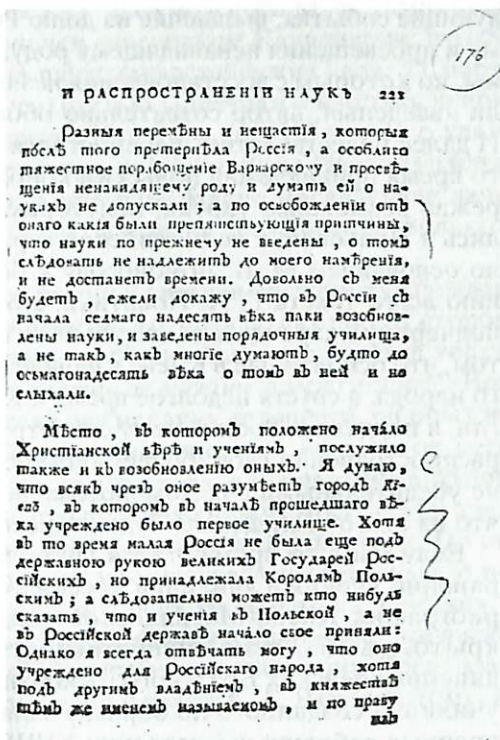
⁵⁶ Там же. С. 219. Примечательно, что в 1747 г. по просьбе Полетики его слуга малороссиянин Иван Нагнибид был определен в Академическую гимназию для обучения немецкому языку и арифметике на свой кошт.

⁵⁷ Последующие обстоятельства жизни Г. А. Полетики известны: в 1761 г. он удачно женился и вышел в отставку; в 1764 г. вернулся на службу в Морской кадетский корпус главным инспектором; в 1767 г. представлял интересы шляхетства Лубенского полка в Комиссии о сочинении проекта Нового уложения; с 1773 г. жил в своем поместье в Малороссии. В 1893–1893 гг. опубликована его переписка с женой и братьями, служащая ценным материалом по истории повседневной жизни Малороссии 2-й половины XVIII в. Дворянский украинский род Полетиков представлен в истории России многими яркими и интересными личностями – учеными, врачами, общественными деятелями. Один из последних (последний?) представителей этой фамилии по основной, Роменской линии рода Полетиков, крупный отечественный историк Николай Павлович Полетика (с 1973 г. в эмиграции) опубликовал книгу примечательных воспоминаний «Виденное и пережитое» (Тель-Авив, 1982).

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 501. Л. 173; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 409. Д. 5. Л. 4.

странном языке не умел читать и писать, тем меньшее о науках имел понятия. Все их истории таковыми известиями наполнены». Отчасти это справедливо, писал Полетика, поскольку именно Петр «первый ввел Россию в храм мудрости», но из этого вовсе не следует, что россияне прежде никаким наукам не обучались и не имели о них никакого понятия и что предки императора «никакой ревности и старания о обучении своего народа не употребляли»⁵⁹. Несведущим иностранцам покажется странным, продолжал автор, если они узнают, что у нас еще в X в. «при самом начале восприятия Христианской веры науки начались: однако мы им то доказать можем из наших летописей», и далее следовал текст из летописи Нестора о событиях 989 г., когда великий князь Владимир Святославич и митрополит Михаил учредили в Киеве многие училища. Могут сказать, продолжал автор диалог с воображаемым иностранным скептиком, что данные школы создавались для обучения начальной русской грамоте. На это можно уверенно ответить: Нестор ясно писал о преподавании философии, «хотя бы положить, что под именем философии разумеются те части наук, из коих она собственно состоит, или по общему ученых людей разумению все прочия науки». Доказательством этому служат переводы Священного писания и иных книг с греческого на русский, производившиеся при великом князе Владимире. В подражание отцу великий князь Ярослав основал в Великом Новгороде школу, состоящую из трехсот учеников, но характер обучения и результативность ее неизвестны.

Далее в статье Полетики следовало методологически важное рассуждение, характерное для творческого метода Миллера. Ученый всегда придерживался принципов строго выводного, истинного знания. Для исторических построений отсутствие доказательств (достоверных источников) означало принципиальную недопустимость логического перехода от возможности события к действительности его. Поэтому при отсутствии информации, отмечал автор рассматриваемой статьи, нельзя утверждать, процветали или нет эти первые на Руси школы. Скорее можно предположить, что «нестроения, ненависть, междоусобные брани» среди наследников Владимира не только приводили к разорению и разрушению основ государственного устройства, но послужили и к «истреблению проникающих наук»⁶⁰. После-

Страница статьи Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России, и о нынешнем оных состоянии» (ПФАРН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 501.

Л. 176). Отметки на полях сделаны М. В. Ломоносовым

⁵⁹ Там же. Л. 174.

⁶⁰ Там же. Л. 175 об.

дующие события, выпавшие на долю России, и особенно «порабощение Варварскому и просвещения ненавидящему роду, и думать ей о науках не допускали». Причины, по которым с восстановления независимости и до XVII в. науки в России не были «введены», автор сознательно обошел, заявив также и о недостатке времени. И далее повествователь переместился вновь в Киев, но уже XVII столетия; город в то время принадлежал польским королям. По этой причине, писал Полетика, опережая возможные упреки, некоторые могут утверждать, что и науки возобновились в Польской, а не Российской державе. Именно это место в статье и послужило основанием М. В. Ломоносову к более пристальному и придирчивому прочтению всего текста Г. А. Полетики, а отдельные части справа на полях верстки он подчеркнул карандашом сверху вниз волнистой линией. Рассуждения Полетики о том, что основанные в Киеве в начале XVII в. училища учреждались для российского народа, а спустя недолгое время и Киев, и вся Малая Россия «польское иго свергли, и поддались Российскому скипетру, а следовательно и науки, как начало, так и распространение свое, более должныствуют России, нежели Польше», оказались не убедительными для Ломоносова, добровольно выступившего в роли цензора, и что из этого последовало будет описано далее.

Если бы в то время статья Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России...» увидела свет, она стала бы первой в историографии Киево-Могилянской академии – высшего учебного заведения, открытого в 1632 г. по инициативе митрополита Петра Могилы на основе объединения киевских Братского (основано в 1615 г.) и Лаврского (основано в 1631 г.) училищ и созданного по образцу западноевропейских университетов. Сведения, впервые собранные в середине XVIII в., представляли огромный научный интерес, поскольку автор впервые детально и последовательно восстановил историю Киево-Могилянской академии, из стен которой вышли множество выдающихся государственных, как светских, так и церковных, деятелей, ученых, писателей, композиторов, сыгравших огромную роль в развитии культуры не только на Украине, но и в общероссийском масштабе. Статья Полетики, исчерпывающая на то время по полноте сведений о жизни и деятельности киевского митрополита Петра Могилы, гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного и др., подкрепленная публикуемыми текстами важнейших источников, содержащая детальный научно-справочный аппарат, может относиться к лучшим образцам исторических сочинений XVIII в. В своей исключительно высокой оценке статьи Полетики Миллер был совершенно прав, так же как впоследствии П. П. Пекарский и др.⁶¹

Основными источниками работы Полетики были летопись Нестора, Степенная книга, Малороссийская летопись, грамоты Иерусалимского патриарха Феофана, царей Ивана и Петра Алексеевичей, различные сведения, собранные им о Петре Могиле и П. Конашевиче-Сагайдачном и др.

Итак, статья Г. А. Полетики была набрана и отмакетирована в 1757 г. для третьего номера «Ежемесячных сочинений». Редактор журнала Г. Ф. Миллер по своему обыкновению тщательно дважды вычитал корректуру статьи (оба варианта хранятся в РГАДА). Но дальнейшие события стали разворачиваться совершенно неожиданным образом как для автора, так и для редактора.

⁶¹ Модзалевский Вад. Полетика Григорий Андреевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [14]. С. 322. Об истории Киево-Могилянской академии существует обширная литература. См. например: Макарий (Булгаков). История Киевской академии. СПб., 1843.

В феврале – марте 1757 г. распоряжением К. Г. Разумовского М. В. Ломоносов (одновременно с И. И. Таубертом) был назначен советником Канцелярии, что существенно расширило сферу его влияния на внутриакадемические дела. 11 марта Ломоносов при встрече сообщил Миллеру, что статью Полетики «печатать непристойно, понеже в оной с X века после Рождества Христова по XVII век ни о каких школах в России не упомянуто; а были-де еще при великом князе Иване Васильевиче архитекторы, выписанные из Италии; а при царе Иване Васильевиче зачалась-де типография; что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о киевских школах, а не о московских»⁶².

Миллер как редактор журнала был обескуражен и уязвлен, поскольку убежденно считал обсуждаемую статью «наилучшей пиесой, которая до сих пор от сторонних сочинителей к Ежемесячным сочинениям сообщена была», и далее в тексте следует важная оговорка: «я могу ответственать за каждое в ней слово»⁶³. Возражая, он апеллировал к научной логике – если нет никаких летописей, ни иных источников, содержащих упоминания о существовании школ, то «и того от него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великих князьях московских и при царе Иване Васильевиче и медики, токмо не было медицинской школы...». Но никакие доводы и ссылки на изначальное решение президента Академии наук о невмешательстве Канцелярии в процесс издания журнала не возымели действия, и 13 марта 1757 г. предписанием Академической канцелярии, единолично подписанным Ломоносовым, печатание статьи было запрещено окончательно. Последовали обращения Г. Ф. Миллера и членов Канцелярии к графу К. Г. Разумовскому, но президент поддержал сторону аппарата.

Так закончилась эта довольно странная история, в ходе которой, вне зависимости от всех конкретных обстоятельств того времени⁶⁴, отечественная наука лишилась интересного и оригинального произведения, заслуживающего быть изданным и спустя два с половиной века, хотя бы как памятник научной мысли. Как следует из сохранившихся корректурных экземпляров статьи, из ее названия и некоторых других материалов, Полетика предполагал продолжить работу и довести изложение до современности. По словам Миллера, первоначально планировались четыре очерка: второй посвятить истории московских школ, третий – семинариям, четвертый – типографиям⁶⁵. На этот важный момент почему-то почти никто не обратил внимания ни тогда, ни позднее. Существовало ли продолжение в реальности – неизвестно. Никаких его следов до сих пор не обнаружено, и если что-то и было, то скорее всего нужно искать в бумагах и произведениях Миллера.

Примечательно, что сам Полетика не предпринимал впоследствии, в изменившихся обстоятельствах, попыток издания этой работы, хотя некоторое время про-

⁶² Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. II. № 4. С. 46.

⁶³ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. Л. 16 об. Выделено мной. – С.И.

⁶⁴ Среди мотивов, кроме вражды к Г. Ф. Миллеру, высказывалось предположение, что чрезмерная активность М. В. Ломоносова в этой истории определялась тем обстоятельством, что Г. А. Полетика был служащим Синода, куда незадолго до этого, 6 марта, Ломоносов был вызван для объяснений по поводу сатирических стихов «Гимн бороде». См.: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 646.

⁶⁵ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 611.

должал собирать материал. Так, через год после событий, приведших к снятию статьи, в письме к печерскому архимандриту Зосиме (Валькевичу) от 19 февраля 1758 г. Полетика просил помощи в сборе целого ряда известий, касающихся истории Киево-Могилянской академии, в том числе: привилегию польских королей Петру Могиле на заведение школ в Киево-Печерском монастыре; «каких-либо ингибиций или запрещений школам киевским от тех же королей, что учинено было по старательству езуитов»; о начале Киево-Печерской типографии, «ибо хотя и известно, что архимандрит Плетенецкий оную первый завел, однако не можно подлинно знать, каким образом то происходило, а именно: откуда взяты литеры, какие к тому употребляемы были; какая была первая книга, которая в ней напечатана; правда-ли то, что князь Острожский Константин подарил свою типографию Киево-Печерской лавре»; он также просил книгу «Трифологий, печатную в той же лавре в 1618 и 1619 году, которую ваше высокопреподобие по милости своей мне прислать обещали и с которой, может быть, можно будет усмотреть все вышеписанные обстоятельства таких ежели еще какие курioзные старинные сыщутся книги, то прошу вашего высокопреподобия оные пожаловать ко мне сообщить; а напротив того – приказать мне, чем взаимно из Петербурга служить»⁶⁶. Кроме этого, Полетика просил о присылке ранее обещанного списка киевских митрополитов, который находился в одной из рукописных книг библиотеки архимандрита Зосимы. Судя по количеству просьб (кроме названных, Полетика хотел также иметь список всех игуменов и архимандритов Киево-Печерского монастыря и т. д.) его служебное положение, видимо, позволяло быть настойчиво обременительным для своего корреспондента.

Дом Миллера в Москве: вместо заключения

Когда в ходе подготовки к 850-летию Москвы мне посчастливилось в значительной мере реализовать идею, зародившуюся еще в студенческие годы, – собрать воедино и издать все тексты Г. Ф. Миллера московского цикла ⁶⁷, то мой давний друг, историк и искусствовед Виктор Владимирович Зубарев ⁶⁸ полушутя-полусерьез тогда сказал: «Хочешь, я найду дом твоего Миллера, не исключено, что он мог сохраниться». Отказаться от такого предложения, несмотря на всю невероятность подобной находки, было нелепо, и я, естественно, согласился. Прошли годы, и дом Миллера в Москве найден!

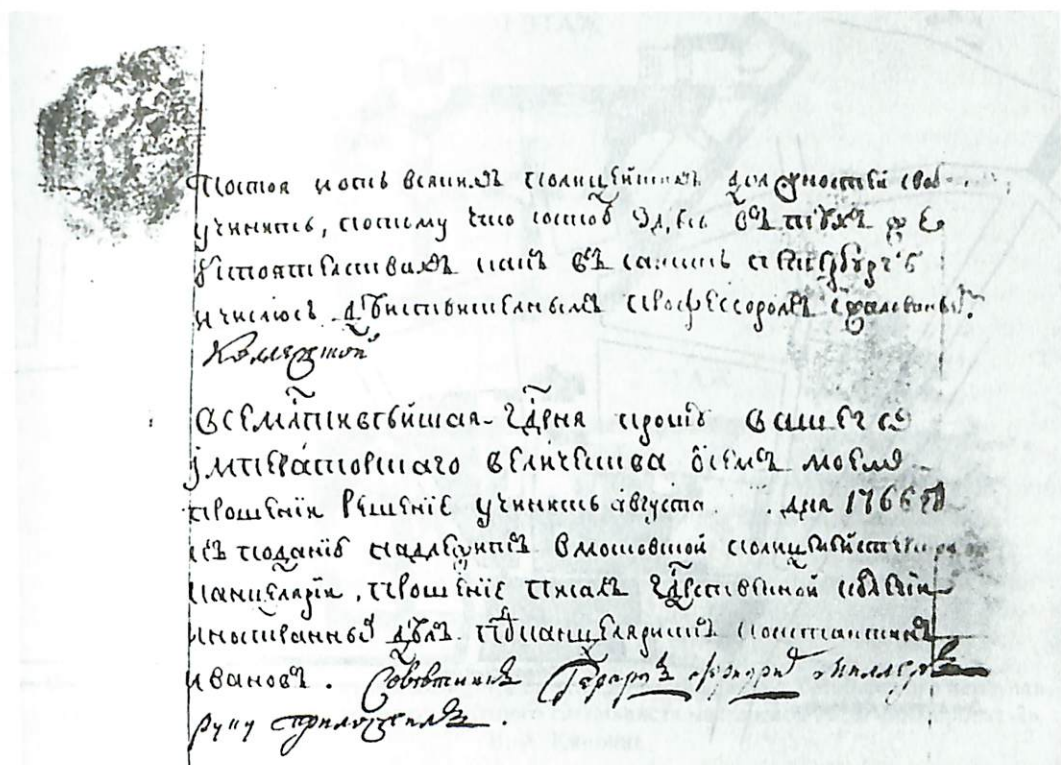
Почему это важно и какое отношение имеет к теме «Миллер – историк науки»? В принципе ответить на данный вопрос не сложно.

Во-первых, интересно; во вторых, Миллер в Москве – тема специального и еще не завершеного изучения, поскольку она представляет собой исключительно важный фрагмент истории науки и культуры столицы второй половины XVIII в.; в тре-

⁶⁶ Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1896. Кн. 11. С. 47–48. Письмо было получено редактором сборника и публикатором цитируемых документов А. М. Лазаревским от И. М. Каманина, списавшего его с подлинника в библиотеке Киево-Печерской лавры.

⁶⁷ Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста, статья С. С. Илизарова. Комментарии И. Р. Грининой и С. С. Илизарова. Ответственный редактор В. В. Зубарев. М., 1996.

⁶⁸ В. В. Зубарев – крупнейший знаток архивных материалов по истории русской архитектуры. Я, как и многие другие, неоднократно получал от него уникальную архивную информацию. В. В. Зубарев инициатор и автор проекта воссоздания главного здания дома-усадьбы Захарово под Москвой. См.: А. С. Пушкин. Московские страницы биографии. М., 2000. С. 35.

Прошение Г. Ф. Миллера 1766 г. ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 7. Д. 3425. Л. 1 об.

тых, именно в Москве, в доме ученого был написан ряд важнейших сочинений, в том числе по истории науки; в четвертых, в преддверии 300-летия со дня рождения великого ученого и просветителя такой подарок его памяти и городу Москве дорогого стоит. К сказанному можно добавить, что здесь жил первый из числа русских ученых, выбранный депутатом знаменитой законодательной Комиссии о составлении нового Уложения 1767 г. Миллер любил Москву, здесь он получил возможность жить в мире и спокойствии и т. д.

Основные московские адреса Миллера были известны и ранее. Один – это дом в старинном Московском урочище, за Покровскими воротами, на крутом изгибе Хохловского переулка; он выбран Миллером для размещения Московского архива Коллегии иностранных дел. Этот дом – массивные каменные палаты XVII в. – некогда принадлежал дипломату Е. И. Украинцеву (о чем свидетельствует мемориальная доска) неплохо сохранился. Порог этого дома, в свое время бывшего украшением и достопримечательностью Москвы, переступали многие великие русские писатели, ученые, чиновники, архивисты и знаменитые зарубежные гости⁶⁹.

⁶⁹ Фотографию см.: ВИЕТ. 1996. № 4. С. 88. С предложением установить на этом здании мемориальную доску, посвященную Миллеру и Московскому архиву Коллегии иностранных дел, я выступил 5 июня 1997 г. на Международной научной конференции «Немцы Москвы». Эта идея тогда была поддержана одним из руководителей города Москвы, но дальнейшего развития не получила.

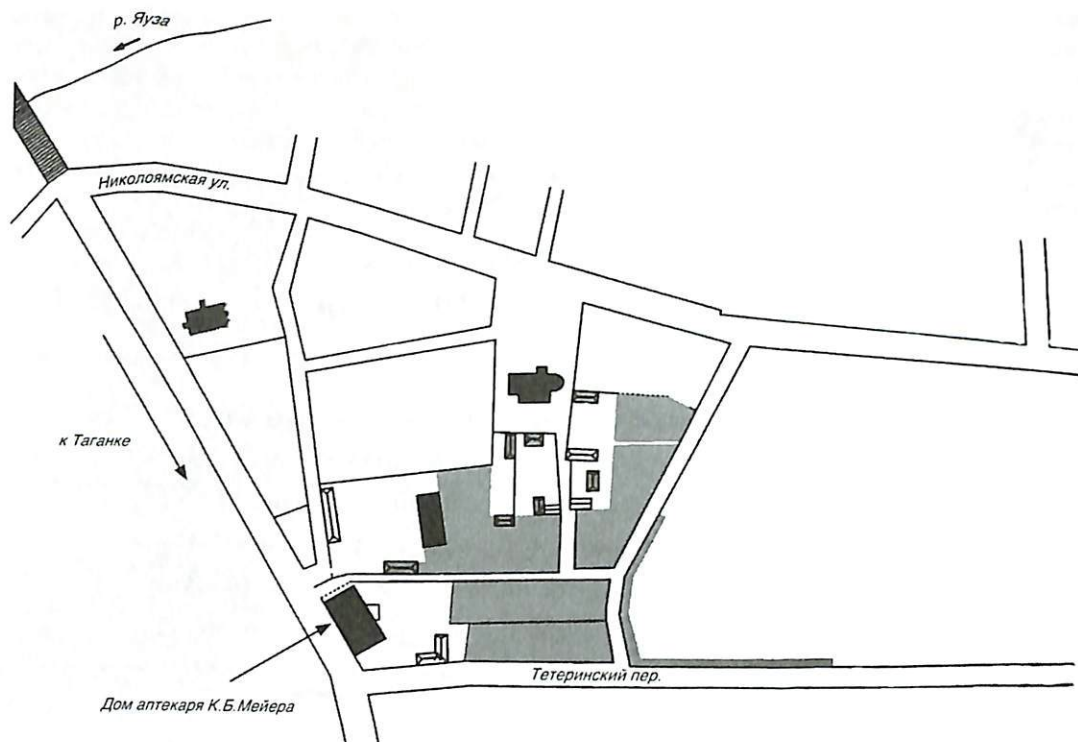

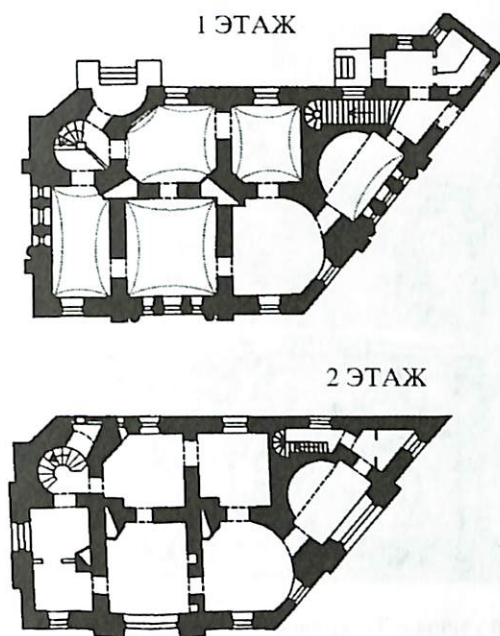
Схема 2-го квартала 10-й части Москвы, где располагался дом и двор К. Б. Мейера. 1757 г.
Составлена по копии плана 1757 г., предоставленного В. А. Киприным

Не был секретом и адрес каменного дома с дворовым и усадебным местом самого Миллера – «за Яузою на большой улице, едучи к Таганке, в приходе церкви Симеона Столпника (на урочище, что на Вшивой горке), где прежде была аптека»⁷⁰.

Весной этого года В. В. Зубарев, работая в Центральном историческом архиве Москвы, обнаружил документ, позволяющий точно определить дом Миллера по вышеназванному адресу. Из архивного дела следует, что 2 августа 1766 г. Миллер, вскоре после того как стал московским домовладельцем, обратился с прошением об освобождении от солдатского постоя и иных «полицейских тягостей» по праву профессора Академии наук «по примеру Московского Университета профессоров», они по указу 1755 г. императрицы Елизаветы Петровны имели такую льготу. К своему прошению Миллер приложил копию купчей от 10 мая 1766 г. о приобретении дома у привилегированного «фартиккулярного» аптекаря Казимира Богдановича Мейера, он располагался во втором квартале 10-й части. Аптекарь Мейер продал профессору Миллеру «двор свой с каменным и деревянным всяким строением и с садом на белой земле», которые он 11 июля 1757 г. получил из Московской полицмейстерской канцелярии⁷¹.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 412. Ч. 1. Д. 13; Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 132; Илизаров С. С. Академик Герард Фридрих Миллер гражданин Москвы // ВИАТ. 1996. № 4. С. 69, 70.

⁷¹ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 7. Д. 3425. Л. 1–2 об.

План первого и второго этажа дома 11/6 на углу Яузской улицы и Тетеринского переулка.
 Поэтажные планы получены от ведущего специалиста мастерской № 20 «Моспроект-2»
 В. А. Киприна

Цена каменного дома с одиннадцатью покоями и двором составила шесть тысяч рублей⁷². Это была большая по тем временам сумма, и потому под купчей стояло пятнадцать свидетельских подписей.

Дом К. Б. Мейера⁷³ (Яузская аптека) стоял на пересечении улицы, «следующей с Яузского моста в Таганку» (современная Яузская улица), и Тетеринского переулка. Если пройти заповедными улицами и переулками старой Москвы, то нельзя не обратить внимания на то, что расположения архивного здания в Хохловском переулке и дома Миллера на Швивой горке удивительно схожи – оба на возвышенности и на изгибе улиц. Поскольку эти здания выбраны непосредственно Миллером, то можно смело утверждать, что это отражает не столько его топографические вкусы, сколько рациональный подход к организации жизненного пространства. Очевидно, такая топография наилучшим образом предохраняла от опасности пожара (минимум соседних, как правило, деревянных строений) и подтопления, что обеспечивалось возвышенностью места.

В самом конце XVIII в., в 1796 г., на крутых склонах Швивой горки, на территории, где располагались дом Миллеров и другие прилегающие кварталы, разверну-

⁷² В 1767 г. зимой Екатерина II была в Москве, и ученый семь раз призывался к императрице для обсуждения различных научных проблем, после чего она приказала выдать ему 6 тысяч рублей на покупку каменного дома в Москве.

⁷³ Вероятно, его сыном был Андрей Казимирович Мейер (1742–1807), дослужившийся до генерал-майора, автор компилятивного ботанического словаря (М., 1781–1783) и ряда других публикаций, включая несколько переводных сочинений. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. II. С. 228; Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 279–280.

Дом 11/6 на углу Яузской улицы и Тетеринского переулка. Современный вид. Июль 2005 г.
Фото автора. Фоторедакция М.В. Мокровой

лось строительство огромного дворцово-усадебного комплекса крупнейшего предпринимателя, владельца железоделательных заводов И. Р. Баташева. Дом Миллера, стоявший на пересечении Яузской улицы и Тетеринского переулка, стал правым, восточным флигелем дворцового комплекса Баташева. Он, очевидно, был перестроен и получил единое для всего ансамбля убранство, характерное для строгого классицизма. Много позже, в 1878 г., вся усадьба превращена в Яузское отделение больниц для чернорабочих⁷⁴. Возможную степень сохранности построек 50-х гг. XVIII в. в существующем в настоящее время здании установить без специальных исследований и глубоких реставрационных работ затруднительно. Безусловно, можно утверждать, что нынешний флигель стоит в точности на том самом месте, где жил последние десятилетия в собственном доме академик Г. Ф. Миллер. Имеются вполне достаточные историко-архитектурные основания для установления на стене этого дома мемориального знака следующего содержания:

**ЗДЕСЬ с 1766 г. по 1783 г.
ЖИЛ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ
АКАДЕМИК
ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР
(1705–1783)**

⁷⁴ Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. М., 1989. С. 310–314.

200

лет со дня рождения Т. Грэма (20.XII.1805–11.IX.1869), английского химика, члена Лондонского Королевского о-ва (1836). Род. в Глазго. Окончил местный университет (1826). Работал в Эдинбургском ун-те (1827–1828), с 1829 – в ун-те Глазго (с 1830 – профессор), в 1837–1855 – профессор Лондонского университетского колледжа. С 1854 – директор Монетного двора.

Основные работы Грэма посвящены изучению диффузии газов и коллоидной химии, одним из основателей которой он является. Он обнаружил, что скорость диффузии газа обратно пропорциональна квадратному корню его молекулярной массы (закон Грэма, 1829), ввел понятие о многоосновных кислотах, установил наличие в газах внутреннего трения (1846–1849). В 1861 Грэм предложил деление веществ на кристаллоиды и коллоиды, открыл явления диализа и осмоса и ввел соответствующие термины. Он был одним из основателей и первым президентом Лондонского химического о-ва (1841–1843, 1845–1847).

150

лет со дня рождения А. Г. Гагарина (22.XII.1855 (3.I.1856) – 22.XII.1920), русского ученого и инженера. Окончил Петербургский ун-т (1878) и Михайловскую артиллерийскую академию, заведовал механической лабораторией Петербургского арсенала. Работая в 1895–1900 на Петербургском оружейном заводе, он сконструировал и построил пресс для механических испытаний металлов (пресс Гагарина). Также сконструировал т.н. круговую линейку Гагарина и ряд приборов, станков и приспособлений,

которые применялись в производстве стройматериалов. Был одним из организаторов и первым директором Петербургского политехнического ин-та (1902–1907) и одним из организаторов Русского о-ва испытания материалов (1911). Во время Первой мировой войны служил в качестве постоянного члена технического артиллерийского комитета по отделу оптики. С 1918 работал в Москве в НИИ при Комиссариате путей сообщения.

125

лет со дня рождения Н. Д. Папалекси (20.XI(2.XII).1880 – 3.II.1947), советского физика, академика АН СССР (1939). Род. в Симферополе. После окончания в 1904 Страсбургского ун-та работал там же под руководством К. Ф. Брауна. С 1914 был консультантом Русского о-ва беспроволочного телеграфирования и телефонирования, в 1918–1922 работал в Одесском политехническом ин-те (профессор с 1922). В 1923–1935 вместе с Л. И. Мандельштамом руководил научным отделом Центральной радиолaborатории в Ленинграде и одновременно работал в Ленинградском электрофизическом и Политехническом ин-тах (1926–1935), с 1935 – в Физическом и Энергетическом ин-тах АН СССР (Москва).

Научные интересы Папалекси лежали в области радиофизики, радиотехники, теории нелинейных колебаний. Он работал над созданием первых отечественных усилительных и генераторных электронных ламп и проводил исследования по радиотелефонной связи, совместно с Л. И. Мандельштамом открыл и изучил резонанс n -го рода, комбинационные и параметрические резонансы,